

Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E., Parik J., Hudjashov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M., Behar D.M., Gilbert M.T.P., Endicott P., Mastana S., Papiha S.S., Skorecki K., Torroni A., Villems R. Most of the extant mtDNA boundaries in South and Southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // *BioMed Central Genetics*. 2004. Vol. 5. P. 1–23.

М.И. Василенко

ПОЭТЫ-КОНТРАБАНДИСТЫ СИНАЯ В ТРАДИЦИОННЫХ СТИХАХ И ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ

Во второй половине XX в. для большинства арабских кочевников единого бедуинского мира уже не было, однако он существовал для контрабандистов. Для них как будто бы не было государственных границ. Пути распространения поэзии стали нелегальные маршруты, а лучшими поэтами Синайского полуострова — контрабандисты. Бывая во всех частях бедуинского мира, они не только приобретали массу необходимых впечатлений, но и обогащали свой потенциал за счет общебедуинского запаса поэтических формул, образов и сравнений. Это крайне важно, поскольку бедуинские стихотворцы конца прошлого столетия оставались носителями древнего типа художественного создания.

Полевой опыт этнографа Ицхака (Клинтон) Бейли подтверждает эти соображения. Как-то раз он засиделся до полуночи в палатке известного поэта из племен северного Синая. Вдруг бедуин, для которого поэзия, казалось, была делом жизни, не выдержал и воскликнул: «Доктор, да оставь ты эти стихи, и давай перейдем к более серьезной теме!». «Что может быть серьезнее поэзии?» — удивился Бейли. В ответ стихотворец предложил ученому сделку. Бейли имел возможность перемещаться по Синайскому полуострову и сектору Газа, не вызывая подозрений, в то время как бедуинов военные и полиция подвергали всяческим проверкам. Поэт предложил гостю прибыть в указанное место на территории сектора Газа, получить груз гашиша и опиума, привезти его обратно и тут же получить тысячу долларов. Бейли вежливо отказался. Бедуины поняли его по-своему и увеличили размер обещанного вознаграждения до шестидесяти тысяч. Ученый извинился и сказал, что такое дело все-таки не для него. Поэт посмотрел на него с нескрываемым презрением и спросил без обиняков: «Скажи, тебе не присуще самоуважение? ... Ведь если ты не заработаешь денег, тогда как будешь приглашать гостей? Откуда возьмешь козу или овцу, чтобы зарезать в их честь? ...Смотри, что произошло с твоим приятелем Слейманом! Он перестал зани-

маться контрабандой, и у него ни гроша за душой. Никто не заходит его навестить!» [Bailey 1993: 9].

За контрабанду бедуины Синая нередко оказываются в тюрьме. Случалось это и с поэтами, причем тюрьма порой способствовала расцвету их творчества. Арестантам, в большинстве своем неграмотным, нужно было отправлять послания родственникам и друзьям таким образом, чтобы посторонние не догадались об их содержании. В этой ситуации поэтическая система бедуинов была спасением. Поэты излагали мысли завуалировано — в традиционной образно-поэтической форме — и передавали сообщения устно, через посланника. Стоит учесть и то, что, сочиняя стихи, бедуины дают выход эмоциям. Один из наиболее знаменитых поэтов Синая — «Анзз абу Свлем ал-«Урды (племя тарвбйн, юго-восток полуострова) в 1962 г. был осужден в Египте на 15 лет тюрьмы как глава контрабандистской сети. Стихи, ставшие популярными среди обитателей полуострова, он сочинил в последние десять лет своего заключения. Успеху произведений способствовали не только их красота и совершенство, но и репутация автора. Поэта знали как щедрого человека и надежного перевозчика — именно таким должен быть настоящий бедуин. В цитируемом ниже стихотворении Анез описывает жалкое положение, в котором он оказался.

*Прошлой ночью я страдал от бессонницы,
И немногие будут внимать боли моего сердца.
Как приятна чашечка кофе меж пальм
И целканье немецкого (ружья) в изгибах вади,
И угли жаровни, на которых жарится баранина,
И друзья, рассеявшиеся в тени шатра
Около тех (женщин), что с прорезями для глаз, прекрасными
зубами,
И татуировкой, зеленой, как весенняя трава.
Сегодня мы опутаны веревками судьбы
И глотаем чистую траву.
Когда другие одеты, мы голы,
И в нашем разрушенном доме играют тушканчики.
После того, как побелела холка (верблюда), мы стали жалки,
И рядом с кутающимися в черные шали мы не нужны.
Мы склонились, как стая гиен,
Над мутной водой в безветрие.
Жизнь идет к концу, женщина обездолена,
И возрадуется бедняк в День потрясения.
Я, который ради того, чтобы улечься, как волк,
Седлал лучшую верблюдицу, как не мог Джадейя (бедуинский
герой),*

*Иду пешком со сломанными костями,
Встаю и падаю на скалистую землю.*
[Bailey 1993: 87–88].

Анез напоминает о своем контрабандистском прошлом. Он седлал лучшую верблюдицу так искусно, как не мог даже бедуинский герой Джадейя, и возил так много гашиша, что холка животного становилась белой от порошка. Говоря «мы», поэт имеет в виду свой род. Он гол, в то время как другие одеты, а в его разрушенных домах играют тушканчики. Он слаб, как стадо гиен, вынужденное пить из мутных водоемов, к которым не приходят сильные животные. Поэт считает своих родственников беспомощными, поскольку они изменили семейным ценностям. Анез, попав в тюрьму, дал развод своим женам, не желая быть опозоренным в случае их измены. Он ожидал, что жены дождутся его возвращения, однако ему было суждено разочароваться. Самым ужасным было то, что с его женами вступили в брак мужчины из его же семейства.

Общество контрабандистов Синая — всего лишь одна из ипостасей бедуинского общества, а потому роль поэзии в нем совершенно та же, что в бедуинской среде в целом. Поэты в стихотворной форме обмениваются сообщениями, подчеркивают достоинства родственников и друзей, угрожают обидчикам, объясняют дорогу посланникам, дают выход эмоциям. Они соблюдают каноны, зародившиеся еще в доисламскую эпоху, но контрабандистская реальность накладывает свой отпечаток на стихи. К примеру, традиционное описание путешествия поэта через пустыню, принятое в поэмах-*касыдах*, может оказаться описанием реальных ночных странствий контрабандистов. Если бедуины сами не объясняют событийный фон поэмы, это не всегда очевидно. В стихах не обязательно указано, что именно везет человек на верблюдице. Если понять, откуда и куда он следует, можно догадаться, что он пересекал границу, однако географические названия, упоминаемые бедуинами, зачастую знакомы лишь им одним. Ниже приведен отрывок из стихотворения, в котором синайский бедуин описывает свой ночной путь с грузом контрабанды через южный Негев.

*Дай мне верблюдицу с черной потной грудью,
Направляющуюся к кольцу гор в долине Убда.
Услышь стук уздечки о дерево седла,
Верблюдица выдрессирована и слушается тебя.
Но вот ошибся проводник, (оказавшись) в вади без выхода,
А ночь темна, и бурдюк с водой высох.*

*Но с восходом солнца мы достигли горы Йахамим
И продолжили скакать по каменистой долине.*
[Bailey 1975: 130].

Если поэт-контрабандист по традиции отправляет *касыду* с посланником, маршрут, который он обозначает в стихотворении, может оказаться путем контрабанды. Установить это из текста опять же невозможно, но это могут объяснить информанты. В коллекции Бейли есть поэма, которую бедуин, сидевший в тюрьме Загазиг в Египте, сочинил для своей семьи, жившей в центре Синайской пустыни. Посланника он направил к себе домой путем, знакомым именно контрабандистам. Верблюда, везущего весточку родным, поэт описал как выносливое верховое животное: ему дали кормиться до трех лет и не заставляли возить грузы. Это говорит о том, что послание адресовано людям, дорогим сочинителю.

*О едущий на верблюде, быстром, как испуганный страус,
Верблюде, взлелеянном без ожогов на ногах.
Сосцы его матери не подвязывались уже три года,
А его пастух не стягивал его ремнями груза.
Направляй его через пустыню к вершинам Самар,
Когда справа от себя оставишь Гоз эр-Радави,
А слева от себя оставишь Зигм эл-Абйад,
Преодолевай с осторожностью горные изгибы на высотах.*
[Bailey 1975: 120].

Если адресат поэта — враг, которому направляется угроза, бедуин стремится его унижить и посылает стихи на неблагозвучном и негодном животном. Ниже — краткое описание верблюда, которого бедуин-контрабандист отправил с угрозой к не расплатившимся за гашиш заказчикам из племени ма'вза:

*Он (верблюд) с трудом несет одеяло и два мешка,
А его черная кожа разодрана и потерта.
Он измотан перевозкой неподъемных грузов,
А если пошлешь его в путь, он пойдет,
Будто горный волк, боящийся охотников,
Дрожащий в своей пещере от свиста пуль.*
[Bailey 1975: 119].

Сама угроза звучала так: «Как вставало наше племя против вас, так встанут наши внуки против вас. // Большие убытки принесло нам ма'вза».

Достоинства адресата *касыды* бедуинские поэты традиционно прославляют в *мадхе* — панегирической части. Даже если поэма сочинена не ради восхваления, а, например, с целью передать сообщение, поэты все равно дают понять, что адресат — носитель важнейших бедуинских ценностей. В обществе торговцев-караванщиков помимо прочих достоинств важно умение взять ответственность за груз и доставить его, невзирая на трудности и опасности. Занятие контрабандой потому так легко распространилось среди бедуинов, что для них это, по сути, то же, что караванная торговля. Ниже — пример того, как поэт упоминает качества, необходимые контрабандистам, объясняя посланнику натуру адресата *касыды*:

*Абу Салима, словно сильный верблюд,
Верблюд, который доставит груз хоть до Багдада.
Обрати внимание на тех, которые отправляются в любое место,
Обрати внимание на того, кто не испугается взятых обязательств.*
[Bailey 1971: 135].

Контрабанда преобразует и любовную лирику. К примеру, один юноша, желая воспеть понравившуюся ему девушку, сказал:

*Она стоит всех контрабандистов с гашишем
И всадников, преследующих их*
[Bailey 1975: 129].

В заключение определим связь текста с полевыми наблюдениями применительно к поэтам-контрабандистам Синая. Изучая зафиксированные в ходе полевых изысканий тексты, можно сделать вывод, что в XX в. контрабанда имела большое значение в хозяйстве бедуинов полуострова. Такие наблюдения делал и сам Бейли, и некоторые другие исследователи. Изучались, к примеру, система регулирования межплеменных отношений в области контрабанды и система контроля над ее путями. Отметим, что, исследуя соционормативную культуру бедуинов-контрабандистов, нельзя уйти от изучения текстов. Как в ходе полевых наблюдений, так и в ходе анализа стихов выясняется, что поэзия в племенном арабском обществе — важный инструмент регулирования общественных и хозяйственных отношений. В то же время без полевых наблюдений зачастую не понять, что устный текст создан поэтом-контрабандистом или даже является орудием для решения практической задачи, поставленной перед бедуином в условиях контрабандистской реальности.

Bailey Y. 'Arakhim khevratim ba-shira ha-bedwit // "Reshimot be-nose' ha-bedwim". Midreshet Sde-Boqer. 1971. 3. P. 134–149.

Bailey Y. Ha-shir ha-bedwi ke-maqor histori // "Reshimot be-nose' ha-bedwim". Midreshet Sde-Boqer. 1973. 4. P. 3–17.

Bailey Y. Ha-shira ha-bedwit be-Sinay u-va-Negev // "Reshimot be-nose' ha-bedwim". Midreshet Sde-Boqer. 1975. 5. P. 115–136.

Bailey Y. Qesem ha-nvqot. Ra'anana, 1993.

Я.В. Васильков

ЗАГАДКИ ТЕКСТОВ И ОТВЕТЫ «ПОЛЯ»: КАК ИЗВЛЕЧЬ СТЕБЕЛЬ ИЗ ТРАВЫ МУНДЖА?

Автор данного сообщения должен признать, что не имеет опыта настоящего этнографического «поля». Да и где было взять такой опыт, занимаясь культурой древней Индии по текстам на классическом языке — санскрите и вплоть до 1990-х гг. не имея возможности поездок в изучаемую страну! Настоящим «полем» для исследователя классической культуры Индии может быть только пребывание в стране, предполагающее не одну лишь работу с музейными коллекциями или рукописными собраниями, но и наблюдения за живой современной жизнью. В индийских условиях такой подход исключительно плодотворен. Это объясняется одной специфической особенностью индийской цивилизации. Религиозно-философские установки индуизма и принципы кастовой организации общества санкционируют консервацию и сосуществование в рамках единой системы всех возможных типов общественного уклада и культуры. Не случайно в Индии добилось значительных успехов такое направление археологической науки, как «этноархеология» [Living Traditions 1994]. Индийские ученые эффективно используют для интерпретации археологических находок, хотя бы и относящихся к самым отдаленным временам, данные этнографии о материальной культуре современных индийских племен, в числе которых есть стоящие едва ли не на всех мыслимых стадиях развития.

В классических санскритских текстах исследователи постоянно сталкиваются с подлежащими идентификации и объяснению природными и культурными реалиями далеких эпох. Истолковать соответствующие термины по контекстам их употребления в имеющихся источниках удается далеко не всегда. Только обращение к «полевым» этнографическим данным, т.е. к живой культурной традиции, хранящей в себе наследие далекого прошлого, помогает в ряде случаев установить истину.